

Присутствие Другого и благодарность: контуры евхаристической антропологии. А. С. Филоненко, Харьков: Издатель Александр Савчук, 2018. 392 с. ISBN 9786177538089; 250.00 грн.*

DOI: 10.29357/2521-179X.2019.22.10

Недавно Александр Семёнович Филоненко опубликовал текст своей монографии о богословии встречи. Важно понимать, что книга всё же является текстом монографии и, возможно, не для всех читателей будет легка в восприятии. Подобно своей обложке, книга презентует «букет» разнообразных идей и ведёт диалог с несколькими авторами. Ключевыми диалогическими партнёрами Александра Семёновича являются Эммануил Левинас, Жан-Люк Марион, Ханс Ульрих Гумбрехт, Данте Алигьери и Ханс Урс фон Бальтазар. Можно сказать, что подобно подходу Дэвида Харта в *Красоте бесконечного*, Филоненко строит своё повествование вокруг движения мысли Бальтасара, и тема богословской эстетики (в широком смысле) весьма немаловажна для этой книги. Ханс Ульрих Гумбрехт является другим связующим звеном всего проекта, что и следовало ожидать, учитывая важность темы «присутствия» для этого исследования. Интересно, что вышедшие под редакцией Филоненко номера журналов *Койнония* были посвящены темам: философия другого и общение, теоэстетика, Данте и новая антропология, а основные представленные (и анализируемые) в них авторы стали важными и для монографии.¹ Очевидно, что данная тематика интересует и осмысливается Александром Семёновичем не первый год.

Книга построена вокруг осмысления роли Другого, как новой философско-богословской отправной точки для понимания человека и нашего самоопределения. Первая глава, по сути, является введением в вопрос и методологию исследования, а главы 2-6 осмысливают разные аспекты переживания Другого: присутствие Другого, встреча с Другим, распознавание Другого, событие Другого и общение, а также событие Другого и культура. При чём главы 4-6 построены по принципу трилогии Бальтасара но в евхаристическом осмыслении событийности: *Слава Божья* (или собственно «теоэстетика»), *Теодрама* и *Теологика*.

Филоненко предлагает свой проект, как ответ на новый вызов настоящей эпохи, а именно «эпохи осязательного отношения к миру» (19), и тема тактильности играет важную роль в переживании Другого в его телесности. А травмированность современного Западного (и не только) общества тотальными системами может

---

* Статья поступила в редакцию 14.03.2019; утверждена в печать 25.03.2019.

¹ Койнония: філософія Іншого та богослов'я спілкування. Спецвипуск №1. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна № 904. Серія: теорія культури і філософія науки. (Харків/Київ: Дух і літера, 2010); Койнония: філософія Іншого та богослов'я спілкування. Спецвипуск №2: теоестетика. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна № 950. Серія: теорія культури і філософія науки. (Харків/Київ: Дух і літера, 2011); Койнония: філософія Іншого та богослов'я спілкування. Спецвипуск №3: *Trasumanar: Данте та нова антропология*. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна № 55. Серія: теорія культури і філософія науки. (Харків: Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 2016).

находить ответ в восприятии Другого с учётом опыта «раны» (75). Эта травмированность преодолевается чрез отклик на зов Другого во Христе, и через ответную хвалу и принятие евхаристичной близости «тела» (*христологическая асимметрия*) (100-104).

В главе о теозетике Филоненко подчёркивает важность *присутствия*, как *эпифании* у Гумбрехта, как переживание опрокидывающего в молчание дара. Он также привносит в повествование Бальтазара православное измерение понимания красоты через митрополита Антония Сурожского и его осмысление красоты (как способности любить и видеть её, как воспитание достоинства взгляда на мир в его двойственности уродства и красоты). Также Филоненко вводит аспект касания и нежности в опыт красоты, что делает его проект довольно интересным и уникальным, учитывая его телесно-тактильное измерение в контексте встречи с Другим. Глава о теодраме переосмысляет её, как праздник разделённой любви, как «общину ликующих» (244). Филоненко видит важность в повороте от языка и нарратива к опыту и рассказчику (273), а также во влечении в этот опыт гимна, как свидетельства. И наконец осмысление теологии проходит под призмой «человека периферийного» и «периферии», как «место, где Христос встречает человека, чтобы из душной комнаты заброшенности и одиночества вывести во вселенскость жизни... место, где человек предвидит непредвиденное, ждёт неожиданное, желает присутствия Другого, распаивающего бесконечное» (309). В понимании *периферии* Филоненко выстраивает пространство инаковости, в котором есть место и для скорби, и для ликования. *Периферия* рассматривается как опыт прощения, опыт видения дара в повседневности жизни, можно сказать, как радикальный опыт открытости к *опыту*. Результатом такой открытости становятся как молчание, так и песня. И наша конечность превращается в пространство явления бесконечного, вследствие нашего осознания дарованности самого опыта жизни, самой нашей бытийности перед лицом Другого.

Интересным вкладом этой монографии является влечение «устного» богословия митрополита Антония в ткань современных философско-богословских дискурсов и выделение «богословия встречи» и «богословия Другого». Стоит также отметить, что в работе обильно используется поэзия и её философско-богословское осмысление (например, Райнер Мария Рильке, Борис Леонидович Пастернак, Ольга Александровна Седакова), так «поэтика хвалы» С. С. Аверинцева интерпретируется в контексте благодарения (108-109). Также интересно обыгрывание личности в контексте ликования, как танца и проявления божественного *перихоресиса* (130-131). *Божественная комедия* Данте, а именно раздел *Чистилище* берётся за основу осмысления эстетического опыта Другого (287-297). Также используются произведения Джонатана Сафрана Фоера и Фёдора Михайловича Достоевского. В целом можно отметить очень умелое и интересное использование разнообразных форм нарративов и речи в монографии.

С уверенностью можно сказать, что книга насыщена довольно эмоциональными пассажами и виртуозно объединяет разнообразных авторов в своеобразный сборник идей о встрече с Другим (что также может мотивировать

перечитать тех авторов, с которыми вы казалось уже знакомы, иронично иллюстрируя идею о периферийности). Текст не только излагает идеи, но и мотивирует к действию. Этим книга может быть интересна и полезна читателям, которые менее вовлечены в современные дискурсы о теозэстетике или философии/богословии встречи.

Однако кроме интересных мыслей и неожиданных реинтерпретаций всё же есть и некоторые вопросы к исследованию. Так, например, возникает вопрос почему Филоненко не ведёт полноценного диалога с трудами Джона Пантелеймона Мануссакиса, если он вспоминает о нём в своём тексте (12) и задаёт похожий вопрос об опыте Бога и Другого? То же самое касается и Дэвида Харта (12) (хотя интерес Харта более узок и сконцентрирован только на *красоте* и, собственно, теозэстетике). Также стоит отметить, что сам текст иногда напоминает богословские лоскутки, поскольку зачастую темы очень плавно перетекают в другие, и в рамках одной главы рассматриваются вопросы биологии, поэзии, философии, педагогики, личных переживаний и богословского осмысления. С одной стороны, это привносит определённый стилистический шарм и широту, с другой – это может усложнять следование логике повествования (особенно учитывая его академическую природу).

Согласно Филоненко, условиями встречи с Другим являются «уязвимость, благодарность и разделенность» (355), где благодарность предшествует узнаванию, которое может принести боль, но позволяет пережить разделённый опыт жизни с Другим. Полноту этих условий он усматривает в евхаристическом опыте встречи с ближним и Богом, в опыте одновременного принятия дара и его дарения, в опыте уязвления и уязвимости, в соучастии в Жизни. Хочется закончить этот обзор одной интересной мыслью, которую высказывает Александр Семёнович, а именно о том, что жизнь даётся через рану, и что «ценой раны жизнь одного передается другому» (347). Это важное напоминание о том, что не только крест Христа есть дарование жизни, но и наш повседневный опыт встречи с Другим, приносящий нам зачастую раны, может быть (и даже точно является) опытом жизни.

Денис Кондюк

Украинская Евангельская Теологическая Семинария

Киев, Украина

ORCID: 0000-0001-9890-2069